

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Озорник

**Мамин-Сибиряк Дмитрий
Наркисович
Озорник**

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк
Озорник
Рассказ

I

Спирька сидел у окна своей избушки, смотрел в сторону башкирской деревни Кульмяковой и думал вслух:

- И отчего бы это дыму идти у башкир, а?... Вот так штука... Не иначе, што где-нибудь барана скрали, а то и цельную лошадь. Верно!.. Ах, неумытые рыла!

Он заслонил рукой глаза от весеннего горячего солнца и еще раз убедился, что действительно над Кульмяковой, засевшей под горкой на берегу озера Карагай-Куль, тоненькою струйкой поднимается синий дымок. В следующий момент Спирька выругался, - выругался вообще, в пространство. Ему почему-то показалось обидным, что башкиры могут есть, а он должен смотреть, как у них дым идет.

- Ах, черти немаканые, удумали какую штуку!..

По веснам Спирька испытывал какое-то озлобленное настроение. Им овладевала смутная тоска и неопределенное желание вы-

кинуть какую-нибудь такую штуку, чтобы чертям было тошно. "А ты чувствуй, ежели на то пошло... да. Понимай своей башкой, каков есть человек Спирька... да". Мысли Спирьки перекатывались в его голове, как тяжелые камни, когда заиграет по косогорам вешняя полая вода. Озлобленное настроение объяснялось, может быть, тем, что Спирька после смерти жены жил бобылем. Он давно разорил все хозяйство, какое же хозяйство без бабы? - и не принимал весной никакого участия в трудовой и радостной суете своей деревни Расстани. Другие пахали и сеяли, бабы готовили свои огороды, старики налаживали всякую снасть к страде; а Спирька сидел в своей избушке и ничего не хотел знать. Из всей скотины у него была одна гнедая лошадь, происхождение которой терялось во мраке неизвестности, - другими словами, все были уверены, что она краденая. Лошадь была бы совсем хорошая, если б ее кормить, но Спирька к последнему относился совершенно равнодушно. Вон башкиры тоже не кормят лошадей, а живут... В свое оправдание, впрочем, он мог сказать то, что решительно не знал, чем бывал

сыт сам. Будет день - будет хлеб. А без лошади какой же мужик? Это было последнее воспоминание о хозяйственном существовании, как когда-то жил Спирька женатым и когда у него все было. Не хуже других-прочих жил, а с женой ушло и все крестьянское хозяйство, и Спирька попал в разряд лишних деревенских людей, которых на Руси достаточно. Вот и скучно делалось непутевому человеку, когда занималась весна.

- Беспременно башкиры собираются есть, - повторял Спирька с нараставшим озлоблением. - Ну и нар-родец!

Окончательно Спирька был выведен из себя, когда в конце грязной, еще не просохшей улицы показалась Дунька. Он ее узнал сразу еще издали. Некому быть, кроме Дуньки... Вон как выступает, точно корова холмогорская.

- Куда бы ей идти утром, - соображал вслух Спирька. - Гладкая баба, нечего сказать.

Спирька еще раз выругался, теперь уже по адресу Дуньки.

- Ну куда ее черт несет? Ишь как по грязи-то вышлепывает.

А Дунька себе шла и, кажется, не желала ничего знать. По костюму в ней сразу можно было узнать расейскую бабу-переселенку. Белая рубаха с широко вырезанным воротом, домашней работы черная юбка, на плечи накинута белая свитка из домашнего сукна, платок на голове намотан тоже по-расейски, одним словом, все по-своему. Красивое женское лицо было полно какого-то подкупающего спокойствия. Ни одного суетливого движения, ни одного лишнего взгляда.

- Куда это тебя понесло, Дунька? - окликнул ее Спирька.

Дунька вздрогнула и остановилась. На Спирьку посмотрели чудные, серые, большие глаза.

- А иду... - ответила она спокойно.
- Да куда идешь-то, глупая?
- А телушку искать.
- Ужо вот тебя волки задерут в лесу-то.
- Пущай дерут.

Дунька говорила певучим расейским говором, растягивая слова.

- А ты все отдыхаешь, Спирька? - проговорила она, подбирая юбку, чтобы перешагнуть

через лужу. - Замаялся, лежавши на печи...

- А тебе какая печаль?

- Пожалела тебя... Другие мужики на пашне, а ты дома маешься. Пожалел бы хоть подоконник-то, лежебок.

Спирька обругал Дуньку и даже погрозил ей кулаком. Она спокойно пошла дальше, и Спирька долго следил за ее белыми босыми ногами, месившими грязь.

- Тьфу, окаянная душа!.. - ругался Спирька. - Бить вас некому, бабенок... За телушкой пошла?! Тьфу! Я бы тебе показал телушку... Я бы тебя разуважил, гладкую!.. Тоже разговаривает... Лежебок! Ну, и буду лежать... Не укажешь. Кто может Спирьке препятствовать? Ни в жисть...

В результате этого монолога Спирька схватил подвернувшийся под руку топор и швырнул его в угол.

А дым над башкирской деревней продолжал подниматься тоненькой синею струйкой, точно кто курил трубку. Спирька опять занялся вопросом, что это могло значить. Во всяком случае, нужно было идти и обследовать все дело на месте. Спирьке даже начинало ка-

заться, что как будто пахло вкусной маханиной*. Потихоньку от своих Спирька любил поесть кобылятины с башкирами. Что же, такие же люди, хоть и живут по своему закону. Другой башкир получше будет русского, да-ром что кобылятник.

* Маханина - вареное лошадиное мясо. (Прим. Д.Н.Мамина-Сибиряка.)

- Нечего делать, надо будет идти... - решил наконец Спирька.

Он накинул на одно плечо рваный татарский бешмет и вышел. До Кульмяковой было битых версты три, но расстояние для Спирьки не служило препятствием. Впрочем, выходя, он посмотрел на пустой двор, напрасно отыскивая своего "живота" - способнее бы верхом в Кульмякову-то прокатить! - но умудренный голодом конь "воспитывался" где-то на весенних зеленях. Обругав лукавого "живота", Спирька побрел пешком. Ему пришлось идти по той же дороге, по которой только что прошла Дунька, и это казалось Спирьке обидным. Чего уж хорошего, когда баба дорогу перешла.

- Ах, ты... - ругался Спирька. - Не стало ей время.

Он шагал по грязи, закинув бешмет на спину. Небольшого роста, плечистый и жилистый, Спирька был в самой поре. Кудлатая голова глядела суровыми темными глазами. Обличье у Спирьки было уже не расейское, а с явными признаками сибирской помеси: борода была маловата, скулы приподняты, лицо как будто сплюснутое. И ходил он не по-расейски на своих выгнутых ногах, как настоящий кавалерист. На Южном Урале попадаются часто такие типы, как результат далекого умыканья первыми русскими насельниками татарских "женок" из недалекой степи. Народ собрался сюда со всех сторон, и недостаток в своей бабе чувствовался долго.

Весеннее солнце так и пригревало, несмотря на раннее утро. "Зелени" взялись необыкновенно дружно, и только березы стояли еще голыми. По низинам пушилась верба. Открытые места, где шли пашни и покосы, тянулись по долине реки Чигодой, делавшей расширение у озера Карагай-Куль. Горизонт замыкала разорванная линия перепутавшихся между

собой отрогов Южного Урала. Башкирская деревушка Кульмякова засела на берегу озера, прикрытая со стороны Расстани березовым лесом. Русская стройка была плотная, и ряды изб стояли, как новые зубы. За Расстанью, в полуверсте, раскинулась Ольховка, где лет пять тому назад устроились переселенцы, выходцы из Рязанской и Тамбовской губерний. Тут наполовину новые избы стояли еще без крыш, надворные постройки были еще в зародыше, а кое-где сохранялись еще переселенческие землянки, напоминавшие кротовые норы. Дунька была из Ольховки.

Дорога из Расстани в Кульмякову огибала березовый лес, и Спирька не пошел по ней, не желая вязнуть в грязи. Он не торопясь брел по меже прямо к лесу - так было прямее. Тут ему вышла неприятность: попались два расстанских мужика, ехавших с сохами.

- Бог на помощь, Спирька! - крикнул один. - Куда наклался спозаранку?.. Смотри, вывихаешь ноги-то.

Односельчане относились к Спирьке свысока, как к замотавшемуся, непутевому мужику, и это его злило.

- Челдоны желторылые... - ворчал он.

II

Главная неприятность ожидала Спирьку именно в лесу. Не успел он сделать несколько шагов, как увидел Дуньку. Она шла прямо на него, помахивая длинной хворостиной. Спирька остановился, посмотрел на нее и плюнул.

- Тьфу, окаянная!..

Дунька тоже остановилась. Эта неожиданная встреча тоже поразила ее не особенно приятно. Беспутный Спирька и без того не давал ей проходу и при каждой встрече считал своим долгом обругать. А тут, в лесу, с глазу на глаз - кто знает, что у него на уме, у шалого. Еще как раз наозорничает... Ей хотелось убежать, но было как-то совестно. Он тоже совестился свернуть в сторону. Какой же мужик, который бабы испугался. После Дунька же и осмеет при всем народе. Баба бойкая и за словом в карман не полезет.

- Ну, чего ты стоишь, как березовый пенек? - сурово проговорил Спирька.

- А тебе какое дело?.. Иди своей дорогой...

- И пойду. Тоже не укажешь...

Он сделал несколько шагов. Дунька продолжала стоять. Спирька опять остановился.

- Послушай, Дунька, кабы я был твой муж, я бы взял орясину да орясиной тебя. Разе теперь по лесу телок ищут? Ах, ты... Скотина вся на зеленях воспитывается.

- А ежели я была на зеленях! Умен тоже...

- Все-таки ты круглая дура, Дунька. Зачем по лесу шляешься?

- Ближе лесом-то... Да што ты пристал ко мне, смола? Сказано: иди своей дорогой.

- И пойду... Думаешь, испугался? Тоже не укажешь, чертова кукла... У! взял бы да так взвеселил...

Он прошел в двух шагах от нее, а потом опять остановился. Дунька шла своей дорогой, не оглядываясь.

- Дунька... постой... - крикнул он изменившимся голосом, точно кто сдавил ему горло. - Словечко надо тебе одно сказать...

Дунька, не оглядываясь, вдруг бросилась бежать. Это выражение бабьего страха окончательно вышибло Спирьку из ума. Он догнал ее в несколько прыжков и схватил за руку.

- Не замай... Спирька, да ты в уме ли?

- Постой, говорят... Што ты дуром-то бросилась бежать? Не разбойник ведь...

- Отпусти, говорят!..

- А не пущу...

Он тяжело дышал... Она смотрела на него испуганными глазами и сделалась еще красивее.

- Дунька... Дуня... Зачем ты постоянно сердишься на меня?

- А зачем ты постоянно меня ругаешь? Проходу от тебя нет, от непутевого...

- Я ругаю? - удивился Спирька, выпуская ее руку: - Вот опять ты и вышла круглая дура... Как есть ничего не понимаешь!.. Да я... ах, боже мой!.. Да я, кажется... Што я, зверь я, што ли, лесной? Изверг?

- Известно, каков человек. Недалеко ушел от разбойника-то, коли чужих баб в лесу оставливаешь.

- А ты была у меня на уме, кикимора? А, была?..

Спирька опять озлился, а потом прибавил сдавленным голосом:

- Всех вас взять, Новожилов, так вы пальца

одного Спирьки не стоите... Поняла? Вот каков есть человек Спирька...

- Уж очень ты дорожишься... Прощай.

Она хотела уйти, но он опять удержал ее.

- Спирька, не замай!.. Вот ужо скажу мужу...

- Мужу? Ха-ха... Испугала до смерти. Да я из твоего мужа и крупы и муки намелю. Слышала? А я к тебе с добром, Дуня...

Она опять со страхом посмотрела на него.

- Ну?

- Ты вот говоришь, что я тебя все ругаю, ну... А что у меня на уме... сердце горит... Кажется, взял бы да пополам и разорвал тебя: на, не доставайся никому... И себя порешить... Ничего, значит, не надо...

Эти несвязные слова окончательно перепугали Дуньку, и она вся затряслась.

- Спирька, шалый, кому ты выговариваешь такие-то слова? Забыл, что я мужняя жена?.. Вот я свекру ужо пожалуюсь, так ён тебя выучит...

- Свекру?

У Спирьки помутилось в голове, точно у быка, которого ударили по лбу обухом. Он по-

смотрел на Дуньку воспаленными дикими глазами и схватил в охапку.

- Свекру, а?.. Мужу, а?.. - шептал он задыхавшимся голосом. - Я же тебе покажу.

Она как-то жалко пискнула в железных объятиях Спирьки и начала отчаянно защищаться. Борьба происходила с молчаливым ожесточением. У Дуньки свалился платок с головы и рассыпались косы из-под сбившегося повойника. Это ничтожное обстоятельство привело в себя Спирьку. Дунька воспользовалась мгновением, вырвалась и заорала благим матом. Спирька бросился было за ней, но увидал издали ехавших по пашне деревенских мужиков.

- Дунька!.. - крикнул он вслед, грозя кулаком. - Ведь ты душу из меня вынула, змея подкодная!

Дунька остановилась на опушке, чтобы привести в порядок свой костюм, а главное - волосы. Спирька только сейчас сообразил, как все вышло безобразно. Ехавшие по пашне мужики слышали женский крик, а тут выскочила, как полоумная, Дунька. Нехорошо, главное, было то, что она была простоволосая, что

для мужней жены величайший позор. Но Спирька ошибся. Дунька вовремя сообразила все и спряталась за деревьями, так что мужики не могли ее разглядеть.

- Вот тебе и фунт, - проговорил Спирька, окончательно падая духом: на земле валялся в качестве вещественного доказательства Дунькин платок. - Эй, Дунька, воротись! Возьми платок-то, дура...

Она обернулась и только покачала головой. Дело выходило совсем плохо. Простоволосить мужних жен не полагается по строгому деревенскому обычаю.

Спирька долго стоял на одном месте, провожая глазами уходившую Дуньку. Вот она делается все меньше и меньше, вот совсем маленькая, вот и совсем разобрать ничего нельзя, а только белеет одна свитка. Наконец все пропало. Спирька чувствовал, как тяжело бьется его сердце, слышал, как ласково шумят над его головой еще голые березы, точно что выговаривают, видел, как солнце бродит по сырой земле золотыми пятнами, точно что отыскивает... И опять на его душе закипела обида, и ему хотелось плакать. Да, теперь уж

все кончено. Придет Дунька домой без платка и все обскажет мужу, - нет, хуже, нажалуется свекру. Муж-то еще стерпит и не захочет срамить жену, а свекор ухватится обеими руками. Старичонка бедовый, ему это только и нужно. Спирька чувствовал, что вперед краснеет от будущего срама.

- А ежели Дунька не скажет никому? - думал он вслух. - И никто бы ничего не узнал.

Но эта мысль обрывается в самом начале, и Спирька окончательно погружается в бездну отчаяния.

- Дура она круглая... Одним словом, баба.

У Спирьки выступают на глазах слезы, и он сжимает кулаки. Надо было прямо задушить ее, Дуньку. Все одно, семь бед - один ответ. Разве он хотел ее обижать? Да он для нее не знаю что готов сделать... Ах, Дунька, Дунька, ежели бы ты не была дура! Ежели бы она хоть чуточку понимала, что у Спирьки делалось на душе. И опять ему хочется ее убить, чтобы хоть этим путем снять с души каменную гору.

Спирька поднял валявшийся на земле Дунькин платок и спрятал его за пазуху. Вот

через этот платок он и погибнет напрасно. Спирька побрел своей дорогой в Кульмякову, но не успел он сделать нескольких шагов, как его осенила мысль. Теперь ему сделалось ясно все, что он даже захохотал.

- Ведьма она, эта самая Дунька, - вот и конец делу. Конечно, ведьма вполне... Убить ее мало.

Припомнив разные подробности своего знакомства с Дунькой, Спирька убедился окончательно в своем предположении. Ведь с первого разу она оказала себя ведьмой, еще тогда, когда он встретил ее на дороге. Она и подвела всех.

- Ведьма... Вот как обошла. Конечно, платок у меня, а она все-таки заправская ведьма... Так и скажу: "Было дело, действительно, а Дунька ведьма". Ее надо осиновым колом пришибить, а не то што разговоры разговаривать.

III

Дунька пришла в себя только у околицы. Она решила, что никому и ничего не скажет. Но беда была в том, что ее платок остался у Спирьки. Вернуться домой без платка было

невозможно. Первая свекровь заметит и подымет дым коромыслом. В этих расчетах она не пошла Расстанью, где ее видели в платке, а обошла деревню задами и в свою избу прошла огородами. На счастье, ее встретила одна младшая сноха Лукерья, глуповатая и несообразительная бабенка. Свекровь убиралась в избе и ничего не видела. Все вышло хорошо.

- Господь пронес... - думала про себя Дунька. - Этаким озорник этот Спирька. Вот как бы надо его поучить, чтобы не охальничал с мужними женами. Не стало своих девок в Расстани, или вон две солдатки живут.

Вечером ни с того ни с сего накинудся на нее свекор.

- Где телушка? - приставал старик. - Куда она ушла?

- Не знаю, батюшка.

Несмотря на покорство, Дуньке все-таки досталось. Старик побил ее для "прилику", а Дунька для "прилику" голосила, точно ее резали. Все это входило в распорядки строгой расейской семьи. Даже когда потерявшаяся телушка вечером пришла сама домой, старик

сердито кинул снохе:

- Вот скотина, а поумнее тебя будет. Свой дом знает.

День прошел, одним словом, как сотни и тысячи других деревенских дней. Все знали отлично, что так нужно. Переселенцы только "строились" на новых местах, и требовалась сугубая строгость. Батюшка-свекор постоянно указывал на Расстань, как пример не настоящего жителя зазнавшихся сибиряков. Разве это правильная деревня? Разве это правильные мужики, а тем больше - бабы? На последних старик особенно нападал, потому что бабой дом держится, а сибирская баба не имеет настоящей острастки.

Муж Дуньки вернулся с пашни только вечером и сейчас же завалился после ужина спать. Намаялся человек за день, ну и отдохнуть надо. Дунька убралась и в избе с ребятами, и на дворе со скотиной и улеглась спать последней, как и следует снохе-большухе. Она сильно притомилась за день, но заснуть никак не могла. Ее взяло особенное ночное раздумье. Главное, Дуньку начала мучить совесть. Зачем она скрыла от всех давешнее?

Ведь она ни в чем не виновата и все-таки скрыла. Раздумавшись, она припомнила, что ее платок остался в руках у Спирьки. А вдруг он где-нибудь напьется и вздумает похвастать. "Вот он, Дунькин-то платок!" Ведь тогда все мужики на нее остребенятся и как дохлую кошку разорвут, потому как это первый случай с расейской бабой, которая не умела себя соблюдать.

Чем больше думала Дунька, тем ей делалось хуже. Ей казалось, что кто-то уж крадется к ихней избе. Вот-вот подойдет и стукнет в окно пьяная рука: "Эй, Дунька, выходи... Вот он, твой-то платок!" Бедная баба тряслась в лихорадке и про себя творила молитву. Наконец она не вытерпела и разбудила мужа:

- Степан... а Степан!

Спросонья Степан очень плохо понял, что говорила жена. Буркнул что-то в ответ и снова захрапел, как зарезанный. Так и промаялась Дунька вплоть до белого утра. Батюшка-свекор поднимался чуть свет и бродил по двору, как домовый. Дунька смело подошла к нему и с бабьими причетами кинулась прямо в ноги.

- Батюшка, Антон Максимыч, согрешила...
Не вели казнить - прикажи слово вымолвить.
Обманула я тебя вчор, раба последняя.

- Ну... говори!

Старик был спокоен и только пнул Дуньку ногой, чтобы не валялась.

- Ну, ну!

С причетами и рыданиями Дунька рассказала все, как вышло дело, и даже прибавила на свою голову. Еще заканчивая эту исповедь, Дунька как-то всем телом почувствовала, какую она сделала глупость, но было уже поздно. Свекор взял ее за руку, поставил к столбу и велел ждать. Через минуту он вынес новенький сыромятный чересседельник, скрутил его жгутом и принялся им бить Дуньку по плечам и по спине. На ее крик выбежала старуха свекровь.

- Ты это што, отец, делаешь-то? - накинулась она на мужа.

- Я-то? А мы разговоры разговариваем.

На шум и крик во дворе скоро собралась вся семья.

Степан пробовал было заступиться за жену, но в ответ получил от родителя удар кула-

ком по лицу. Старуха свекровь тоже впала в неистовство, когда услышала про исчезнувший платок. Она несколько раз подскакивала к Дуньке с кулаками и шипела беззубым ртом:

- Подавай платок... где платок? Гадина, давай платок... Степка, ты чего смотришь? Учи жену.

Степану было жаль жены, но он в угоду матери ударил ее по лицу несколько раз. Дунька стояла на одном месте и смотрела на всех округлившимися от страха глазами. Она никак не ждала такого исхода своей исповеди.

- По какой такой причине Спирька к тебе приставал? - наступал на нее свекор. - Мало ли баб в Расстани и в Ольховке, - других он не трогает небойсь. Сама виновата, подлая... может, сама подманивала его.

Дунька молчала. Это еще больше злило старика, и он снова принимался ее бить чересседельником, так что на рубашке показалась кровь.

- Бей ее! - приказывал старик сыну, передавая Степану чересседельник. - Муж должен учить жену.

Подогретый науськиваниями матери, Степан поусердствовал. Он остервенился до того, что принялся таскать Дуньку за волосы и топтать ее ногами.

- Так... так... - тоном специалиста одобрял свекор, с невозмутимым спокойствием наблюдавший эту сцену. - Пусть чувствует, какой такой муж бывает.

От дальнейших побоев Дуньку спасло только беспамятство, хотя свекровь и уверяла, что "ёна" притворяется порченной. Избитая Дунька очнулась только благодаря снохе Лукерье, которая sprыснула ее холодной водой. Старики ушли, и Лукерья шепотом причитала:

- Ох, смертынька, Дунюшка. Ведь этак-то живого человека и убить можно до смерти.

- Молчи уже лучше, а то и тебе достанется... - посоветовала Дунька, вытирая окровавленное лицо. - Дуры мы, вот што.

- Степан-то как расстервенился. А матушка-свекровушка еще его же науськивает.

Дунька молчала. У нее болело все тело, каждая косточка. В избу она не пошла, а попросила Лукерью принести к ней полугодово-

го ребенка. Это был здоровенький мальчик Тишка, родившийся уже на Урале. Его в семье называли "новиком".

- Этот уже не наш расейский... - с грустью говорил дедушка. - И не узнает, какая такая Расея есть. Желторотым сибиряком будет расти.

Над маленьким Тишкой избитая Дунька и выплакала все свои дешевые бабьи слезы.

Обиднее всего для Дуньки было то, что при всем желании она не могла пожаловаться на свою семью, хотя и выходила замуж круглою сиротой. Семья была настоящая, строгая, мужики работающие, а свекор пользовался особенным почетом в Ольховке, потому что он вывел всех на Урал, на вольную башкирскую землю. Около него сплачивались все остальные мужики, и старик стоял всегда в голове Новожилов. Проявленное над Дунькой семейное зверство, в сущности, ничего особенного не представляло, как самое заурядное проявление родительской и мужниной власти. Вот вырастет Тишка большой, женится и тоже будет учить жену. Это было для Дуньки чем-то вроде утешения. Ведь в свое время и она бу-

дет лютой свекровью-матушкой.

В следующие дни в семье наступило тяжелое затишье. Степану, очевидно, было совестно, и он молча ухаживал за женой, скрывая последнее от грозного батюшки. Впрочем, старик, кажется, забыл о Дуньке. Он замышлял что-то новое. Дунька со страхом следила за ним. Очевидно, старик подбирался к Спирьке и подбивал других Новожилов действовать заодно.

- Растерзают они его... - со страхом говорила Дунька снохе Лукерье.

- Так и надо озорнику! Не балуй... Ты-то что его жалеешь?

- А сама не знаю... Просто дура. Спирька не даром меня душой-то навеличивает.

IV

Спирька пропадал в Кульмяковой дня два, а потом появился в окне своей избушки. Он по целым часам лежал на подоконнике и смотрел на улицу. По некоторым признакам он имел полное основание догадываться, что дело неладно. Во-первых, мимо его избушки без всякой цели прошли три бабы и рассчитанно громким голосом говорили:

- Ох, бабоньки, и били же ее, сердечную... Сперва свекор утюжил, а потом муж по тому же месту. В чем душа осталась... Сказывают, пластом лежит.

- Чуть до смерти не заколотили бабенку. А какая такая в ней вина? Все он, змей...

Затем Спирька заметил, что около ворот собираются мужики и о чем-то толкуют между собой. Ему казалось, что несколько раз прямо указывали на его избушку. Наконец, он видел, что приходили ольховские мужики и о чем-то долго толковали с расстанскими. До него долетали только отдельные слова: "ён", "ёна", "озорник" и т.д. Вообще, заваривалась каша, и Спирька только крутил головой. На всякий случай он приготовился дать с первого раза сильный отпор: "А ежели она ведьма, ваша Дунька?.. Ну-ка поговорите теперь со мной... Прямо ведьма. Она и на вас на всех сухоту напустит..."

Не раз случалось Спирьке выдерживать напор всего деревенского мира, и он, собственно, был спокоен. Ведьма - и все тут. Уж ежели кому отвечать, так им же, новожилам, зачем "ведьмов" разводят.

- Ну, ну, идите сюды! - кричал Спирька в окно. - Я вам поккажу... Я вас произведу!..

Правда, эта храбрость Спирьки сильно уменьшилась, когда он раз заметил в толпе мужиков старика Антона. Этот не испугается. Самый вредный старичонка, ежели разобрать, цеплястый, как клещ вопьется.

Дело вышло ранним утром, когда Спирька еще спал. Под окном его избушки показался волостной.

- Эй, ты, лежебок, дай отдохнуть печке-то...

Спирька выглянул в окно. Перед избой толпилась целая кучка переминавшихся мужиков.

- Вам чего, галманы? - дерзко спросил Спирька.

- А надо с тобой поговорить, хороший ты человек. Выходи ужо на улицу...

- А думаешь, не выйду? И выйду... Сдел милость. Тоже, подумаешь, испугали...

- И выходи, приятный ты человек...

- Да платок-то Дунькин захвати, - прибавил голос из толпы. - В дружках не был, чтобы чужие платки брать...

В ответ из окна полетел скомканный Дунь-

кин платок. Спирька накинул свой армяк и храбро вышел за ворота, где его сейчас же и подхватил под руку волостной.

- Вот так, Спирька... Честь завсегда лучше бесчестья, приятный ты человек. Чего тут бояться добрых людей... Просто, значит, волостные старички хотят с тобой разговор поговорить.

- Дураки ваши волостные старички, - огрызнулся Спирька.

Спирька понял, что его ожидает, и всю дорогу ругался самым отчаянным образом. Около волости его поджидала уже целая толпа, состоявшая из старожилов и Новожилов. Спирька струсил, когда увидел в толпе худенькое лицо старичка Антона.

- Ён самый... озорник... - перешептывались в толпе, когда Спирьку вводили на крыльцо волостного правления.

В волости уже дожидались волостные старички, в руках которых сейчас была судьба Спирьки. Однако он не потерялся (слава богу, не впервой было судиться у старичков!) и довольно развязно проговорил:

- Старичкам почтение...

Старички сидели хмурые, как следует быть ареопагу, и ничего не ответили. Волостной предъявил им Дунькин платок в качестве *corpus delicti**. Изба скоро набилась народом. Слышно было тяжелое дыхание и угнетенные вздохи.

* Главная улика (лат.).

- Спирька, а што ты скажешь насчет Дунькина платка? - предложил вопрос старшина, не прибегая к предисловиям.

- Платок? - замялся Спирька и прибавил уже бойко: - И очень просто, господа старички... Эта самая Дунька просто ведьма. Да... Присушку мне сделала, не иначе.

Старички переглянулись, и старшина ответил за всех:

- Так, так, приятный человек... А мы, значит, эту самую Дунькину присушку тебе отмочим, штобы вперед не повадно было охальничать. Так я говорю, старички? Ну, Спирька, показывай все на совесть...

- Нечего мне и показывать... Дело известное. Ежели бы я был женатый, так оно тово... поиграл малость с бабенкой, а она себя и ока-

зала ведьмой. Мне бы раньше об этом самом догадаться... А что касается платка, так это самое дело прямо наплевать.

- Прыток ты на словах, приятный человек... Только напрасно путляешь, говори настоящее.

При всем желании сказать что-нибудь настоящее Спирька только развел руками. Старички переглянулись и сделали знак каморнику. Толпа молча расступилась, и перед стариками очутилась Дунька, бледная, испуганная, со свежими синяками на лице. Она комом повалилась в ноги судьям и заголосила:

- Ничего я не знаю, господа старички... Не взыщите на дуре-бабе. Как есть ничего...

- Врет ёна... - слышался спокойный голос свекра. - Дунька, показывай все...

- Твой платок, Дунька?

- Конечно, мой... ён самый и есть.

- Ты телушку пошла искать?

Благодаря этим наводящим вопросам, Дунька рассказала по порядку все происшествие. Новожилы были довольны этим показанием, а старожилы были смущены Спирькиным озорством. Тоже не полагается просто-

волосить мужних-то жен... Спирька слушал, переминаясь с ноги на ногу, и только проворчал, когда Дунька сказала, что он чуть ее не задушил:

- И надо было задавить... Вас, ведьмов, нечего жалеть, ежели вы присушку делаете.

Обстоятельства дела были ясны для всех. Обвиняемый в свое оправдание решительно ничего не мог сказать и только твердил, что Дунька - ведьма.

- А хоша бы и ведьма, - заметил резонно один старичок: - и с ведьмов платки-то не полагается рвать. А ты вот того, озорник, не понимаешь, что всю деревню острамил... Што теперь новожила-то про нас будут говорить?

Выдвинулся самый больной вопрос о розни между Расстанью и Ольховкой. Новожила являлись потерпевшей стороной, и требовалось возмездие, чтобы восстановить честь и доброе имя старожил. Спирька являлся своего рода козлом отпущения. Старожилы на нем как будто делали невольную уступку и косвенно признавали права Новожилов. Спирькой замирялись вперед поводы к взаимным недоразумениям, и волостные старич-

ки, как опытные политики, отлично это понимали, как понимал и Спирька, которого выдали головой. Мир от него отступался.

- Ну, приятный человек, што мы теперь с тобой будем делать? заговорил старшина. - Своим-то озорством ты вот до чего всех довел...

- Поучить его надо, змея, господа старички, - вступился свекор Дуньки.

- А ты помолчи, дедко... - остановили его судьи, сохраняя собственное достоинство. - Мы дело ведем на совесть... Ну, Спирька, што мы с тобой должны делать теперь?

В судьях было еще некоторое колебание, но Спирька сам себя предал вместо ответа взял и плюнул. Он до конца остался озорником, и участь его была решена по безмолвному соглашению. Для видимости старички пошептались между собой, а потом старшина проговорил:

- Нечего делать, приятный человек... Довел ты нас донельзя... Дядя Петра, и ты, Ларивон...

Когда Спирька возвращался домой, ребятишки показывали ему язык и кричали:

- Дранный-сеченый!..

Спирька только встряхивал волосами, но не смущался. Как это господа старички поддались этой ведьме - даже удивительно. Вот до чего их довела Дунька... Дерут живого человека и думают, что сами это придумали. А новожилы-то чему обрадовались?

V

Только вернувшись в свою избушку, Спирька в первый раз почувствовал приступ жгучего стыда. Вот в этих самых стенах жил он справным мужиком, пока не померла жена, а теперь... Спирька забрался в темный угол на полатах и пролежал там до ночи, снедаемый немым отчаянием. Он тысячу раз повторял про себя все случившееся и приходил к одному и тому же заключению, что во всем виновата Дунька, и она одна. Как ведь ловко она с первого разу обошла его - никто и не заметил!

Припомнился Спирьке жаркий летний день. Он ехал откуда-то с помочи, пьяный свалился с лошади и тут же заснул в зеленой душистой траве. Лошадь наелась около него. Потом Спирьке показалось, что кто-то тащит у него из-за пояса ременный чумбур, на кото-

ром привязана была лошадь.

- Стой!.. Врешь... убью! - заорал Спирька, напрасно стараясь подняться на ноги. - Эй, не подходи!..

- Ну, слава богу, живой, - проговорил над ним участливый женский голос. - А мы думали, што ты расшибся али убитой.

Это и была Дунька. Она шла с свекром впереди переселенческого обоза. Старик Антон спутал какую-то повертку и обратился к Спирьке:

- Мил-друг, как нам проехать на Томск?

- На Томск? Ха-ха... Да ведь до Томска-то тыщи две верстов будет. Ах, ты, старый черт... Может, тыщи дорог на Томск идут: любую-лучшую выбирай. Да вы кто такие будете? Переселенцы?

- Около этого, мил-человек... Рязанские, значит, Рязанской губернии, вообще, значит, выходит, расейские.

- Та-ак... - соображал Спирька. - А я думал - конокрады.

Пока шел этот разговор, Дунька стояла и с жалостью смотрела на Спирьку. Этаким здоровый мужик, а морда в грязи, рубаха испла-

стана, - она не стерпела и проговорила:

- А ты бы рожу-то себе вымыл, да и рубаху надо починить... Видно, нету жены-то?..

Ах, как она хорошо все это сказала... Спирька и теперь точно слышит этот ласковый бабий голос и видит жалостливые бабьи глаза. Ведь вот поди ты, сразу угадала все... И хорошо Спирьке сделалось, и стыдно, а Дунька смотрит на него так прямо и так просто.

Старик еще что-то расспрашивал, а потом подошел переселенческий обоз. Уж только и народ... Притомились все за дорогу-то, обносились, затоцали смотреть жаль. А видно, что народ все хороший, правильный народ, не чета сибирскому. Этому-то народу дай-ка вольную сибирскую землю, так работа огнем загорит. И бабы все хорошие, хотя и в лаптях.

Когда обоз уже прошел, Спирька заметил, что Дунька оглянулась на него. Эти большие серые глаза точно позвали его. Спирька сел на лошадь, догнал обоз и обратился к старику:

- Ты, видно, дедко, ходоком будешь?

- Ён самый.

- Словечко я тебе одно скажу, дедко... Эх, дорогое словечко, а вся цена - полуштоф водки.

Обоз остановился. Около Спирьки собрались мужики.

- Куда в Томскую губернию тащитесь? - заговорил Спирька, мотаясь в седле. - Экую даль тащиться, да это помереть.

- Нужда, мил-человек, гонит... Не сами идем. Нужда устигла...

- Эх, вы...

Спирька обругался, а потом прибавил:

- Вот что я вам скажу, расейские мужички... Сделаем дельце так: вы мне выставите, напроимерно, полуштоф водки, а я, напроимерно, отведу вам тыщу десятин вольной земли. На, пользуйся да поминай Спирьку... Все будете благодарить, а у которых ежели есть дети, так и дети будут чувствовать, каков есть человек Спирька.

Переселенцы выслушали и сначала не поверили Спирьке: пьяный человек зря болтает. Да и вид у него совсем шалый. Погалдели расейские лапотники, посмеялись над Спирькой и хотели идти дальше, но остановила

всех Дунька:

- Полуштоф с миру пустое, а может, ён и в сам деле может определить...

Началась жестокая ряда. Спирька стоял на своем.

- Да ты скажи наперед, а потом мы тебе бочку этого проклятого вина укупим.

- Не могу, - артачился Спирька. - Самому дороже стоит, и притом у меня свой карахтер... Не хотите своей пользы понимать...

Старик Антон подумал-подумал и решил в свою голову:

- Вот што, мил-человек, так и быть: сделаю тебе уважение. Понимаешь, распоследнее отдаю.

Только теперь Спирька догадался, что такое решение старика Антона было внушено Дунькой. Дело ясно, как день... Она видела всех насквозь.

Водки в обозе, конечно, не оказалось, и пришлось ехать до первой деревни, где был кабак. Измученный жестоким похмельем, Спирька выпил всю бутылку дрянной кабацкой водки чуть не залпом, прямо из горлышка. Потом Спирька крякнул, вытер лицо рука-

вом рубахи и заявил:

- Ну, дедко, твое счастье... Купил ты меня.

Они отошли в сторону, и Спирька действительно обсказал все на совесть.

- Вы, дедко, вот как сделайте... Тут есть Кульмяцкая башкирская волость, земли видимо-невидимо - понял? У них такое правило: башкиру-вотчиннику полагается тридцать десятин на душу, а башкиру-припущеннику всего пятнадцать...

Голова старика Антона закачалась от удивления: всего пятнадцать десятин?..

- А дело не в этом, дедко, - объяснял дальше Спирька. - Башкирскую-то землю пьяный черт мерял после дождичка в четверг... Сколько этой земли никто не знает. И еще есть причина: мрут эти башкиры, как мухи, а земля-то остается тоже. Понял?

- А ты не омманываешь?

- Ну, вот тоже скажет человек... Што мне тебя обманывать, когда у нас своя деревня стоит на башкирской земле. Пришли и осели... Пятьдесят лет теперь судимся с башкирами, и никакое начальство ничего разобрать не может. По-моему, этой самой земли и вам

хватит, да еще от вас останется... Понял? Значит, башкирская деревня Кульмякова - понял? Мы уж к ней приспособились, ну, а вы к нашей деревне приспосабливайтесь.

- Как же это на чужую землю возможно.

- Ах ты, ежовая голова: сказано - земля ничья, божья, значит. Ничего не известно, кому и что следует... Я тебя и научу, дедко, как наших расстанских мужиков обойти, только за это ты мне второй полуштоф потом выставишь. Ты приезжай завтра к нам в волость и сторгуй три десятины травы у волостных старичков, будто лошадей выправить... У нас трава по двугривенному с десятины... Ну, а как вас пустят, вы уж не зевайте: сейчас налаживайте и балаганы и землянки. Понял? А потом будто вы перезимовать только хотите... Так? А потом с кульмяцкими башкирами сговоритесь, будто вы у них эту самую землю покупаете... Да тут конца-края не будет, и никто ничего не разберет.

- Ну, и сказал ты словечко, мил-человек...

- А то как же? У нас, брат, в Сибири добром ничего не возьмешь... Божья земля-то. Понял? Так оно и пойдет год за годом, а там, глядишь,

башкиры все вымрут, - ну, тогда с Расстанью и разделите землю пополам. Вот каков есть человек Спирька!

- Так, так...

- Да уж верно сказано.

Переселенцы так и сделали, как научил Спирька, и все вышло как по-писаному. Ходок Антон оказался большим мужицким дипломатом. Дело в том, что русская деревня Расстань не имела никакого права на существование и осела на чужой башкирской земле захватом. Башкиры судились с этими незваными насельниками много лет, но из этого ничего не выходило, потому что собственные права башкир тонули во мраке далекого прошлого. Когда-то, очень давно, они тоже пришли сюда и захватили чужую землю. Оставались права давности, вернее - права первого захвата. Появление новых насельников было на руку башкирам, сдавшим в долгосрочную аренду землю, принадлежавшую Расстани. Отсюда пошли нескончаемые споры и раздоры между двумя русскими деревнями, сопровождаемые настоящими драками и рукопашной. Переселенцы удерживались только ди-

пломатическим талантом ходока Антона, умевшего заговаривать зубы и рассчитывавшего на время.

Все это припомнил теперь Спирька и мог только удивляться черной неблагодарности переселенцев. Для него было ясно как день только одно, что не встретить он тогда переселенческого обоза, не был бы он драным. Вот до чего довела Дунька своим колдовством и его и других, с тою разницей, что он отлично понимал, в чем дело, а все другие точно ослепли.

- Благодетелем для них был, - размышлял Спирька в огорчении. - А они же своего благодетеля и отлупцевали... Нет, ты погоди, не таковский Спирька, чтобы живому мыши голову отъели.

VI

История Спирькиной любви была очень грустная, начиная с того, что он не знал даже самого слова - любовь. По его понятиям, это была присушка. Взяла хитрая баба и заколдовала. Дело тянулось целых пять лет. Спирька часто бывал в Ольховке у переселенцев, но встречал Дуньку очень редко и то мельком.

Их разговоры ограничивались взаимной перебранкой.

- Што ты на меня воззрился, как свинья на мертвого воробья? - спросит иногда Дунька.

- У, гладкая!.. - ответит Спирька и обругает.

Дунька жаловалась на озорника мужу, но Степан был смирный мужик и не обращал внимания. Известно, сибиряки отчаянные, удержу в них нет.

А у Спирьки с каждым годом сердце все больше и больше разгоралось. Он не мог дать себе отчета, что с ним делается, а только Дунька не выходила у него из головы. Разве можно было ее применить к другим бабам? Глянет, так точно огнем обожжет. На Спирьку нападала жестокая тоска, и он топил свое горе по кабакам. Пьяный он часто плакал и жаловался кабацким друзьям, что его испортила одна женщина. Прямо он не называл Дуньки, а только намекал, что она из переселенок.

- Как змея проползла... Вот какое дело! И сплю и вижу ее...

Кабацкие приятели от души сочувствовали Спирькину горю, от искреннего сердца ругали его и советовали бить ведьму, которая

такими делами занимается.

Но раньше Спирька еще сомневался, что Дунька была ведьма, и только теперь это сделалось ему ясным как день. И какая ведьма - издали приворожила. Другие ведьмы или накормят чем, или опоят человека, а эта одним глазом только поглядела, и Спирька готов. Даже сейчас, после расправы в волости, он не мог рассердиться на нее по-настоящему. Были мысли довольно жестокого характера, но они падали, как осенний сухой лист с дерева. По возвращении из волости Спирька решил про себя, что спалит двор у старика Антона, и эта мысль ему очень нравилась. Темная ветреная ночь... все спят... и вдруг над Ольховкой зарево, а через два часа хоть шаром покати. Для отвода глаз Спирька хотел притвориться больным и вылежать в избе с неделю. На, потом разбирай да ищи ветра в поле... Кто поджег - руки-ноги не оставил. Нехорошо было то, что расейская стройка дружная, изба к избе, и вся деревня могла сгореть, как хороший костер. Не стоило из-за Дуньки по миру пускать столько народу. Другой способ - изводить Дуньку самому. Приехал к избе верхом,

да и давай золотить ведьму всякими словами. Переселенские мужики смирные, все стерпят. Опять нехорошо...

Целых три дня думал Спирька, и ничего не выходило. Виноваты и свои расстанские, за чем выдали головой новоселам. Хорошо бы им красного петуха запустить, чтобы чувствовали вполне: "Надо вас, варнаков, учить... Простоваты вы, чтобы драть человека незнамо за што. Какой же это порядок? Сегодня одного отодрали, а завтра другого будете драть... А еще господа старички называются. От всего общества честь... Одной водки сколько вытрескают на сходах за мирской счет".

Но ни одному из этих жестоких планов Спирьки не суждено было осуществиться.

Раз, на самом брезгу, Спирька был разбужен стуком в окно.

- Эй ты, приятный человек...

- Кого там черт принес? - откликнулся Спирька с печи.

- А ты выглянь в окошко.

Спирька слез с печи и выглянул. Перед его избой стояла кучка ольховских новоселов с ходоком во главе.

- Чего вас носит, полуночников? - обругал Спирька.

- А ты выдь из избы-то. Разговор маленький есть.

- Знаю я ваши разговоры... Опять, что ли, драть?

- Зачем драть, приятный человек, а так для разговору слов. Ежели добром не выдешь, так сами в избу придем... Тебе же хуже будет, приятный человек.

Спирька некоторое время соображал, хотя выбирать было не из чего. Потом на него напало озлобление, и он смело пошел из избы. Но его схватили десятки дюжих рук, едва он переступил порог сеней.

- Получай, братцы... - обрадованно загалдели мужики. - Ён самый и есть озорник. Держи его крепче!..

В один момент Спирька был связан.

- А вот увидишь, приятный человек... Ребята, волоките озорника.

- Братцы...

Спирьку потащили посредине улицы, довольно невежливо подталкивая под бока. Он только кряхтел и по обыкновению ругался.

Стояло самое раннее утро, так что не топи- лась еще ни одна изба. Окрестные горы были подернуты туманною дымкой. На топот де- сятков ног и глухой говор сопровождавшей Спирьку толпы кое-где в окнах показывались головы.

- Братцы, убивают! - кричал Спирька, когда замечал мужицкую голову. Ох, убивают...

За эти возгласы ему действительно доста- вались дюжие тумачи, а потом чья-то корявая рука зажала Спирькин рот.

- Молчи, конокрад!

Последнее восклицание сделало все яс- ным. Спирька понял, зачем его волокут в Оль- ховку, и ему вперед представилась ужасная картина мужицкого самосуда. Он сам видал, как насмерть бьют конокрадов, и сам даже участвовал в жестоких расправах. Да, все бы- ло ясно как день, и даже Спирька ужаснулся, когда толпа свернула в переулок налево. Оче- видно, новоселы не желали вести Спирьку че- рез Расстань, чтобы не поднимать на ноги расстанских мужиков, которые могут засту- питься за односельчанина. А у себя в Ольхов- ке сделают, что хотят.

Спирьку потащили полем. Толчки делались сильнее. Кто-то ударил Спирьку по щеке. Дюжие мужицкие руки держали его, как в клещах. У Спирьки начала кружиться голова от страшной боли в левом плече, - очень уже поусердствовали скрутить ему руки за спиной.

Ольховка была вся на ногах, когда привели Спирьку. Его встретили озлобленные лица. Кто-то ругался, какая-то женщина причитала. Старуха, жена ходока Антона, так и вцепилась в Спирьку.

- Ён... ён самый!.. А я ему глаза повытыкаю, озорнику.

Обезумевшую от ярости старуху едва оттащили.

- Ох, разорил ён нас всех!.. - причитала она, - всю семью по миру пустил... Куды мы без лошадок? Страда наступит скоро, а мы как без рук... Снял с нас голову, озорник!..

- Это ён со злости, што тогда поучили за Дуньку в волости, - объяснял голос в толпе. - И лукав пес...

Спирьку затащили на двор к Антону и положили связанного на земле. Тащившие его

мужики запыхались. На всех лицах была написана твердая решимость разделаться с конокрадом по-свойски, чтобы другим-прочим подобным озорникам вперед не было повадно. Спирька был осужден заранее, осужден целым крестьянским миром, и теперь оставались только маленькие формальности. Когда к нему подошел Степан и ткнул тяжелым мужицким сапогом прямо в лицо, так что брызнула кровь, его остановили.

- Не трошь, Степан... Теперь ён никуда не уйдет из наших рук.

Составился полевой суд. Вся задача заключалась в том, чтобы выпытать от Спирьки, куда он угнал лошадей. Степан, задыхаясь от волнения, в сотый раз рассказал, как они втроем караулили лошадей на зеленях и как их украли прямо у них из-под носу. В темноте воров не могли разглядеть.

- Ну, теперь твоя речь, - обратился старик Антон к Спирьке. Доказывай, куда дел лошадей?

У Спирьки быстро мелькнула тень надежды на спасение. Он ответил с дерзостью:

- Не меня надо бить, а ваших пастухов... Че-

го они-то глядели? Воров трое - и их трое.

Толпа немного смутилась. Каждое мгновение было дорого, и Спирька решил дорого продать свою грешную душу. Он обругал всех и смело заявил:

- Уж ежели на то пошло, так я один вам выворочу украденных коней... Дураки вы все!... Где вас надо, так там вас и нет...

Эта смелая ругань произвела известное впечатление. Кругом виноватые люди не будут ругаться, особенно, когда смерть на носу.

- Я вам всем покажу, как надо на свете жить! - уже смело заговорил Спирька. - Спросите суседей, никуда я из избы с вечера не выходил... По насердкам* вы меня взяли. Говорю: один выворочу всех коней. Мне же в ноги потом будете кланяться, лапотники... Разве такие мужики бывают? Эх, вы... А Степке я сам обе скулы сворочу. Его надо бить-то, ша-лого.

* По насердкам - по злобе, в сердцах.
(Прим. Д.Н.Мамина-Сибиряка.)

VII

Неистовое поведение Спирьки сбило ново-

селов с толку. Ругавшиеся мужики замолчали, озлобление сменилось недоумением. Дунька, спрятавшаяся со страху в задней избе, думала, что уже все кончено. Она все время повторяла про себя:

- Ох, смертынька... Они его убьют!..

А тут вдруг галденье прекратилось. Она выбежала в сени и из-за косяка увидела удивительную картину. Батюшка-свекор своими руками развязал руки Спирьке и даже помог ему подняться на ноги. Вид у Спирьки был ужасный: рубаха разорвана в клочья, лицо в крови, на спине и плечах сине-багровые подтеки от ударов. Спирька постоял, точно оглушенный, повел плечами, точно пробовал, целы ли кости, а потом проговорил хриплым голосом:

- Дайте стаканчик водки...

В данный момент его больше всего смущала разорванная рубаха. В толпе были и бабы и девки, а он совсем голый. Спирька несколько раз тряхнул головой. Да, много раз его бивали и раньше, только рубаху не так рвали.

- На, непутевая голова, - говорил старик Антон, подавая Спирьке стакан водки. - Так

лошадушек-то добудешь?

- Сказано: выворочу. Экие собаки, право, как рубаху-то истерзали... Места живого не осталось.

- Ну, рубаху мы тебе другую дадим... Дунька, сыщика ему какую ни на есть! - приказал Антон. - Так лошадок-то, Спирька, вызволишь? Ведь разор всему нашему дому...

Дунька разыскала старенькую мужнину рубаху и вынесла ее на двор. Спирька сурово повернулся к ней спиной. Дунька опять убежала в заднюю избу, чтобы никто не видел ее слез, - ведь из-за нее, дуры, чуть не убили Спирьку. И посмотреть-то теперь на него страшно: в крови весь, как баран, все тело пестрое от синяков, один глаз начал затекать. Поведение Спирьки еще больше убедило ее в собственной виновности, и Дунька не могла удержать слез. А тут еще матушка-свекровушка может увидеть, как она его жалеет, озорника, и может поедом съесть.

К себе, в Расстань, Спирька не пошел, а послал за своей гнедой лошастью. По пути велел захватить пастуший рог и ременный аркан. Дунька видела, как он, обряженный в чужую

рубяху, ястребом сел на свою лошадь, поднялся в седле и попросил еще стаканчик водки.

- Не поминайте лихом Спирьку! - крикнул он, пуская лошадь с места полной рысью.

Оставшиеся у ворот мужики несколько времени сумрачно молчали, а потом какой-то голос проговорил в толпе:

- Омманет Спирька-то... Еще его же и водкой напоили. Теперь ступай, лови его.

Старик Антон ничего не ответил на этот вызов. Два стакана водки не расчет, когда человек обещает коней воротить. Окромя его, некому и сделать так. Спирька по лошадиной части все знает и с завязанными глазами всю округу обыщет.

Спирька пропадад целых три дня. Время тянулось ужасно медленно. "Двор" старика Антона переживал самый критический момент. Какой "двор" без лошадиной силы, а новых лошадей разводить не на что. Получилось самое безвыходное положение, тем более, что дело шло к страде. Мужики утрюмо молчали, а бабы ходили с заплаканными глазами. Теперь все благосостояние семьи зависело единственно от смелости отчаянного че-

ловека Спирьки. Но больше всех убивалась Дунька, убивалась молча, одна, затаив в себе целый рой чисто бабьих мыслей. О, она теперь выучилась молчать. С одной стороны, она, припоминая недавние побои, даже не желала, чтобы Спирька вернул назад украденных лошадей, - пусть зорится нелюбимая семья, а с другой - она так боялась за Спирьку. А вдруг он вернется с пустыми руками? Если его и не убьют, так сам навек себя осрамит. Дуньке до слез делалось жаль вот этого отчаянного Спирьку, когда она припоминала его поведение. Как он обругал Степана да всех других новоселов, - лежит связанный и ругает. Они-то навалились на одного человека всей деревней и убили бы наверно, ежели бы не отчаянность Спирьки. Эта смелость произвела на Дуньку неотразимое впечатление. Ведь это совсем не то, что бить беззащитную бабу, как ее били батюшка-свекор с мужем Степаном. Что-то такое новое зарождалось в душе Дуньки, что ее и пугало, и радовало, и заставляло плакать. Потихоньку она молилась за успех Спирькиной экспедиции.

В Ольховке сильно сомневались относи-

тельно Спирьки и потихоньку судачили относительно старика Антона. Правильный старичок, а вот как дал маху... Обошел кругом озорной человек. Но этим пересудам был положен конец, когда на четвертый день ночью объявился Спирька. Он привел на своем аркане всех трех лошадей. Сонная семья выскочила вся на улицу и не верила собственным глазам.

- Да ты ли это, Спирька? - спрашивал Антон.

- Около того...

Когда Спирьке пришлось слезать с лошади, он только тяжело застонал. Правая рука у него висела плетью плетью.

- Ты, Спирия, тово, - бормотал старик Антон, помогая ему вылезть из седла. - Эх, брат, тово... Што это у тебя рука-то, как чужая?

- А так, значит...

Бабы ухватились за лошадей и с причитаеньями повели их во двор. Оставалась одна Дунька. Она спряталась за верею и наблюдала, как батюшка-свекор снимал с лошади озорника Спирьку. Дунькино сердце билось, как подстреленная птица, и она чувствовала,

как задыхается. По всем признакам Спирька был едва жив и доехал до Ольховки только по инерции. Когда его сняли с седла, Спирька весь распустился, как ребенок, и едва мог пролепетать косневшим языком:

- Водочки... стаканчик...

- Били тебя, Спиря?

- Ох, как били... И я бил и меня били.

От Спирьки трудно было добиться какого-нибудь толку, да и не любил он расспросов.

- Где был - ничего не осталось, - сурово отвечал он. - Мало ли хороших местов.

- Так, гришь, шибко били? - повторял Антон.

- Очень даже превосходно.

По перепавшим лошадям мужики видели, что Спирька был не близко, а глядя на него - что дело было у него с конокрадами жаркое.

Он оставался гостем у Антона дня три, пока поправился и немного отдохнул. За ним теперь все ухаживали, и пряталась только одна Дунька. Она боялась поднять глаза, когда входила в избу, где сидел с мужиками Спирька. Он тоже отворачивался от нее и только раз, когда они столкнулись на дворе, спросил:

- Дунь... а Дунь? Ты не серчаешь на меня?

У Дуньки точно что оборвалось внутри от этого виноватого голоса, каким заговорил с ней Спирька. Сердце так и захолонуло, как будто она полетела откуда-то с высоты.

- Так не серчаешь, Дунь?

- Што это и придумаешь, Спиридон Савельич... Посмеяться надо мной хочешь...

- Я?! Эх, Дунюшка!

Он подошел к ней совсем близко и шепнул:

- Для тебя только и коней выворотил, желанная... На, получай и чувствуй, каков есть человек Спирька. Эх, Дуня... Слов вот у меня нет никаких, штобы, значит, обсказать все... Только и умею, што ругаться.

- Ты меня ведьмой считаешь...

Голос Дуньки оборвался, и она закрыла лицо рукавом. Душившие ее все эти дни слезы так и хлынули. Спирька растерялся и не знал, что ему сказать. Да и что скажешь бабе, которая дура дурой ревет? Правда, жаль бабенки... Спирька повернулся к плакавшей Дуньке спиной, постоял с минуту, напрасно отыскивая в своем репертуаре хоть одно ласковое

слово, но только тряхнул головой и ушел в избу. Он немного струсил и струсил самого себя: жалость так вот всего и охватила.

Спирька ушел от Антона через какой-нибудь час.

- Ты куда это скоро больно поплелся? - уговаривал его старик Антон. Поживи, пока рука-то поправится.

- Нет, уж я домой, - утрюмо отвечал Спирька.

Дунька видела потом, как батюшка-свекор совал Спирьке рублевую бумажку, а Спирька ругался.

- Отстань, старый черт! Стал бы я себя увечить из-за твоего рубля... Дураки вы все и ничего не понимаете. А Степану я скулу сворочу, как вот только рука выправится.

Обругал всех и пошел домой, придерживая бессильно мотавшуюся правую руку.

VIII

Вернувшись домой, Спирька сразу слег, точно подломился. Сначала у него болела ушибленная рука. Она была точно чужая и висела плетью плетью. Удар пришелся по плечу, и Спирька чувствовал по ночам страшную

боль. Задремлет и видит во сне, как нагоняет конокрадов. Их было трое. Они сидели вокруг огонька, не ожидая опасности. Стреноженные лошади паслись в десяти шагах. Спирька налетел на воров орлом. Завязалась отчаянная драка. Могуч был Спирька и двоих уложил сразу, а третий оказался "жиловатым" и долго дрался со Спирькой. Когда Спирька уложил и этого третьего и "пал" на свою лошадь, он догнал его и ударил бастрыгом по плечу. Хорошо, что Спирька усидел на лошади, а то бы ему несдобровать. Сейчас он повторял про себя тысячу раз эту сцену, и ему казалось, что его все еще бьют. Он просыпался в холодном поту и кричал:

- Эй, всех убью!.. Не подходи.

Спирька думал отлежаться, как бывало раньше. Не в первый раз его били насмерть. Но чем дальше, тем делалось ему хуже. Спирька послал за старухой Митревной, которая лечила всю Расстань. Митревна пришла, осмотрела Спирьку и только покачала головой.

- Эк тебя угораздило, Спирька.

- А што?

- Места ведь на тебе живого нет... Точно цепями тебя молотили.

- Около того, баушка... Весь не могу. И поясницу ломит, и крыльца болят, и ноги отнимаются.

- Вот, вот... Больно ты лют драться-то, Спирька.

- Дело такое подошло, баушка.

- Да, дело хорошее... Как еще тебе башку не оторвали напрочь.

Баушка Митревна еще раз осмотрела Спирьку, покачала головой и проговорила:

- Умрешь ты, Спирька.

- Раньше смерти не помру.

- Главная причина, что у тебя повреждена станова жила и все болони нарушены.

Мысль о смерти Спирьку не испугала. Что же, умирать так умирать... Обидным для него было только одно - оставалось неизвестным, от кого он умрет. Били здорово и ольховские мужики и конокрады, - ступай разбирай, которые били сильнее. Сначала Спирька решил, что его окончательно изувечили конокрады, а потом на него напало сомнение. Хорошо тузили и ольховские новоселы.

Спирька лежал в своей избушке совершенно один. В Расстани, и в Ольховке, и в Кульмяковой было уже известно, что он не жилец на белом свете. Приходили проведывать разные мужики, и все жалели Спирьку.

- Беспременно ты помрешь, Спирька... Уж баушка Митревна знает. Она, брат, скажет, как ножом отрежет. Достаточно перехоронила на своем веку всяких народов.

- Знаю без вас, што помру... От ольховских новоселов в землю уйду. Я их землей наградил, и они меня тоже землей отблагодарили. Мой грех.

- А ты бы, Спирька, штец горяченьких похлебал. Может, и полегчает... По жилам горяченькое-то разойдется.

- Не позывает меня на пищу, братцы.

Особенно тяжело бывало Спирьке по вечерам, когда он лежал в темноте. Тихо кругом, а в Спирькиной голове мысли так и шевелятся. Припоминал он всю свою жизнь и ничего, кроме безобразия, не находил. Если бы ему баушка Митревна предложила прожить жизнь во второй раз, он едва ли бы согласился. Тошно и вспоминать, не то что снова все

проделывать. Так, одно безобразие... Другие, конечно, жили и по-хорошему, а он мыкался.

Раз лежал Спирька вечером и особенно мучился. Ему приходилось плохо. Явилось какое-то смутное ожидание чего-то. Вот бы встать теперь, выйти на улицу... Кругом все давно уже зеленело. И горы стоят зеленые, и поля, и луга. Хорошо везде, кроме его избушки. Спирька, кажется, задремал, когда его разбудил осторожный шорох в сенях. Потом раскрылась дверь, и кто-то вошел в избу.

- Ты жив, Спиридон Савельич? - спросил женский голос.

- Это ты, Дуня?

- Я... Урвалась из дому, чтобы с тобой проститься.

Голос у Дуньки оборвался. Спирька слышал ее тяжелое дыхание. Она стояла, переминаясь с ноги на ногу.

- Ну? - сурово спросил Спирька.

- Больше ничего.

Она присела на лавку, и Спирька только теперь рассмотрел, что Дунька пришла с ребенком.

- Ты это зачем ребенка-то приволокла?

- А так... Сказывали мужики, што ты поми-
раешь, - вот я и пришла.

- Помираю, Дуня...

Голос Спирьки сделался ласковее.

- Наши-то мужики тебя вот как жалеют,
потому как понапрасну тогда обидели тебя.

- Ну их совсем! Пусть твой Степан благода-
рит бога, што я кончусь скоро, а то бы... Не
стоит говорить, Дуня.

Дунька тяжело вздохнула.

- А што касася того, што я тебя ведьмой
навеличивал, так это совсем особь статья, Ду-
ня. Эх, не так все вышло. Ну, да што об этом
говорить... Не стоит. Все одно околевать.

Послышались легкие всхлипывания. Пла-
кала Дунька. Она не вытирала своих слез.

- Тяжко, Спиридон Савельич... Места нигде
не найду.

- Ну?

- Вот как тяжело...

- Обижают?

- А мне все одно... Приду домой и скажу,
што была у тебя. Пусть бьют... и матушка-све-
кровушка проходу не дает. Все тобой попрека-
ет... Пусть... Испортил ты меня, Спиридон Са-

вельич. Все думаю, все думаю... С ума ты у меня нейдешь. И мужа не люблю, да и раньше никогда не любила...

- Ну, это уж ты тово... закон принимала, значит, тово... терпи...

- А ежели моего терпенья не стало? Ох, тошно... Вконец вся извелась, Спиридон Савельич. Вот сынка родила, рощу, а сама все думаю: неужто и он в наших мужиков издастся? Какие это мужики? Всего боятся.

- Это ты правильно, Дуня.

- Себя ущитить не умеют... Духу в них нет... Тошно глядеть. Хуже бабы, а еще мужики... Конями-то ты их застыдил.

- Плевое дело.

Дунька продолжала плакать. Ребенок проснулся и тоже заплакал. Спирьке хотелось сказать ей что-нибудь хорошее, ласковое, утешить, приласкать, но у него кружилась голова и никаких слов не было.

- Ну, мне пора домой, Спиридон Савельич.

Она подошла к нему совсем близко, поднесла ребенка и проговорила:

- Ты, Спиридон Савельич, перекрести младенчика, штобы он тоже не боялся.

Через несколько дней озорника не стало.
Он успокоился на деревенском кладбище.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОЗОРНИК

Рассказ

Впервые напечатан в журнале "Русская мысль", 1896, № 12.

Рассказ получил положительную оценку рецензента "Русской мысли" (1900, № 9). "Тип "непутевого" забулдыги Спирьки, бывшего когда-то заправским мужиком, но со смертью жены потерявшего все свое крестьянское хозяйство и попавшего таким образом в деревенские лишние люди, выхвачен из самого сердца нашей крестьянской жизни. Читатель и смеется над несуразным, нескладным Спирькой, и удивляется его удали и смекалке, и заранее же жалеет эту погибающую натуру, в которой под нескладною наружностью бьется горячее сердце, жаждущее и любви и участия".

С. 284. Чумбур - повод уздечки.

С. 286. Вотчинник - коренной владелец земельных угодий; припущенник переселенец из других мест.

С. 294. Верея - столб, на который навешиваются створки ворот.

С. 295. Бастрыг - палка, шест.

А.Груздев